ИЗЪ ДНЕВНИКА И ПЕРЕПИСКИ ИВАНА НЕПОМНЯЩАГО.

Письмо къ Ивану Камердинерову.

Любезный другъ,

Ты знаешь, я люблю дурачиться съ друзьями... Нѣтъ, не то. Ты знаешь, я еще не очень давно имѣлъ довольно опредѣленные образъ и подобіе божіи. Правда, у меня не было римскаго носа (да и точно безъ него не проживешь!) и вообще рѣзкихъ чертъ лица: ни худъ, ни толстъ, жиденькая бородка неуловимаго цвѣта, носъ нѣсколько картофелиной, слегка отвисшія губы, глаза не тусклые и не блестящіе, особыхъ примѣтъ никакихъ. Правда, и нравственная моя физіономія вполнѣ соотвѣтствовала этому физическому облику. Но все таки, ты помнишь, физіономія была. Я имѣлъ имя, отчество, фамилію, взгляды на жизнь, осѣдлость, чувства, мысли, мундиръ. Когда мы бывало втроемъ—ты, я и нашъ общій другъ Иванъ Либеральный—гдѣ нибудь столкнемся, у насъ шли оживленнѣйшіе споры, я не помню теперь объ чемъ, но во всякомъ случаѣ я принималъ въ этихъ спорахъ горячее участіе, значитъ, имѣлъ же я что нибудь за душой! Представь себѣ, что я все это утратилъ! Не то чтобы я за какое нибудь преступленіе былъ лишенъ мундира, правъ состоянія, осѣдлости или имени, отчества и фамиліи,—видитъ Богъ, я никогда не былъ ни въ чемъ виноватъ,—нѣтъ, я какъ то все забылъ. Смутно представляется мнѣ, что было у меня что-то въ головѣ, на сердцѣ, на языкѣ, но что именно—хоть убей не помню. Я долго старался припомнить, мучительно старался. У маіора Ковалева только носъ пропалъ, да и то какъ онъ взбѣлѣнился. Суди же о моемъ отчаяніи и усиліяхъ—увы! тщетныхъ. Долго ли, коротко ли, сладко ли, не сладко ли, а пришлось такимъ помириться съ этимъ удивительнымъ положеніемъ. Но ты, написавшій «Взбаломученное море», «Некуда», «На ножахъ», «Марево», «Марину изъ Алаго Рога», ты, авторъ этихъ и многихъ другихъ глубокихъ произведеній, слишкомъ хорошо знаешь человѣческое сердце, чтобы допустить, что я такъ вотъ сейчасъ всѣмъ и разсказалъ о своемъ несчастіи. Кругъ знакомыхъ моихъ

не хуже, чѣмъ у маіора Ковалева, я не безъизвѣстенъ и штабъ-офицершѣ Подточиной. Поэтому на первыхъ порахъ внутренняго примиренія съ моимъ новымъ и едва ли не единственнымъ въ исторіи человѣчества положеніемъ, я довольно долго ломался. Я старался по крайней мѣрѣ показать видъ, что очень хорошо помню рѣшительно все, чтобы, понимаешь, передъ постороннимито людьми не конфузиться. Это мнѣ удалось. Хоть мнѣ и казалось иногда, что я и всѣ окружающіе разыгрываемъ роли авгуровъ и едва удерживаемся, глядя другъ на друга, отъ гомерическаго смѣха, но все таки мнѣ и виду никто не показалъ, что мое несчастіе извѣстно. На что твоя «послѣдняя страничка» въ «Гражданинѣ»—чего ужь кажется злѣе, ядовитѣе, а и та молчала. Но скоро мнѣ надоѣло притворяться. Мимоходомъ сказать, и тебѣ не совѣтую. Впрочемъ, объ этомъ ниже. Стараться имѣть видъ, что все помнишь, когда не помнишь ровно ничего, это такая адская мука, которую à la longue способны вынести только самые толстокожіе экземпляры вида Homo sapiens. Существовала нѣкогда пытка, извѣстная подъ именемъ «испанскаго осла». Пытаемаго сажали верхомъ на заостренную перекладину, а къ ногамъ подвѣшивали гири: гири тянули внизъ, а остріе перекладины постепенно разрѣзало человѣка на двѣ части. Это, конечно, ужасно; говорятъ, страшнѣе этой пытки изобрѣтательный умъ человѣческій ничего не могъ придумать. Но представь себѣ, что было бы, еслибы можно было обязать сидящаго на испанскомъ ослѣ имѣть совершенно бодрый и гордый видъ человѣка, галопирующаго по своей собственной охотѣ... Я не вынесъ. Не вынесъ какъ разъ въ то время, когда уже началъ довольно бойко и ни мало не краснѣя выкрикивать: «можно не соглашаться, но должно признаться»! Я тебѣ разскажу какъ, почему и при какихъ обстоятельствахъ соскочилъ я съ испанскаго осла. Не долга эта исторія, но глубоко трагична и поучительна.

Нынѣче лѣтомъ я, вмѣстѣ съ нашимъ общимъ другомъ Иваномъ Либеральнымъ, напечаталъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» «Взглядъ и нѣчто» въ защиту плутократіи. Не помню ужь зачѣмъ мы это сдѣлали, можетъ быть мы и тогда этого не знали. Какъ бы то ни было, но пріемъ мы выбрали довольно оригинальный. Именно мы спросили себя: что такое плутократія? и отвѣтили весьма резонно: власть, правленіе богачей. Это по ученому, по гречески. Но по русски выходитъ это какъ-то не ладно,—точно власть плутовъ, тогда какъ всякому, даже не учившемуся у современныхъ педагоговъ, извѣстно, что плутъ и богачъ совсѣмъ не одно и то же. А такъ какъ, разсуждали мы далѣе съ Иваномъ Либеральнымъ, ученое слово плутократія происходитъ отъ имени греческаго бога Плутона, то надлежитъ упразднить неприличный каламбуръ, поддерживаемый лишь всеобщимъ невѣжествомъ, и говоритъ не плутократія, а *плутономократія*. Кажется, чего бы лучше? Мы обнаружили энергію, обна-

ружили эрудицію; принять бы предложенную нами реформу и дѣло съ концомъ. Но оказалось,—чего, впрочемъ, откровенно говоря всегда слѣдовало ожидать,—что энергія и эрудиція «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» превосходитъ нашу. Эта почтенная газета доказала, какъ дважды два четыре, что слово плутократія происходитъ отъ имени не Плутона—бога ада, а Плутоса—бога богатства. Я къ Ивану Либеральному.

— Какъ-же, говорю, такъ?

— А ты чего смотрѣлъ?

— Нѣтъ ты-то, ты?

— Я, говоритъ, свободенъ вообще, свободенъ и отъ греческой миѳологіи и греческой грамматики въ частности. А ты выходишь невѣжда...

И такъ это онъ гордо, съ такимъ апломбомъ сказалъ, что я даже опѣшилъ. Выругалъ я его за то, что онъ оставляетъ меня одного подъ мѣткими выстрѣлами энергіи и эрудиціи «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», и сталъ думать, какъ бы мнѣ извернуться, какъ бы мнѣ повернуть дѣло такъ, чтобы повѣрили добрые люди, что я все, все очень хорошо помню, даже греческую миѳологію и греческую грамматику. Такъ оставаться, сложа руки, мнѣ было нельзя, потому что, повторяю, меня даже штабъ-офицерша Подточина знаетъ. Однако я не нашелся ничего лучшаго сдѣлать, какъ рипостировать «С. Петербургскимъ Вѣдомостямъ» такъ: хорошо, пускай отъ Плутоса, тогда значитъ надо говорить *плутосократія*, а все таки не плутократія. Я предлагалъ даже писать это слово такъ: Плуто-Сократія, вводя такимъ образомъ имя знаменитаго грѣческаго мудреца. Но Иванъ Либеральный нашелъ, что это уже слишкомъ, и мы напечатали въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» свой рипостъ безъ предложеннаго мною улучшенія. Однако, мнѣ все таки было стыдно, и я рѣшилъ немедленно ѣхать на Кавказъ. Иванъ Либеральный тоже поѣхалъ, но не отъ стыда, а писать кореспонденціи. Дорогой уже мы узнали, что и «Петербургскія Вѣдомости» не безъ грѣха, ибо и имъ было доказано тоже какъ дважды два четыре, что Плутонъ и Плутосъ вовсе не разные боги, а одинъ и тотъ же богъ. Такъ кончилась эта знаменательная полемика. Мы много смѣялись надъ невѣжествомъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»...

Не мудрено, что мы пріѣхали въ Пятигорскъ въ томъ пріятномъ расположеніи духа, которое всегда овладѣваетъ даже самыми несчастными и невѣжественными людьми при видѣ чужого несчастія и невѣжества. Иванъ Либеральный былъ веселъ и болтливъ, какъ божья пташка. Я тоже былъ бодръ и пріобрѣлъ увѣренность, что жить и казаться помнящимъ еще можно. Я «ходилъ по тропинкѣ бѣдствій»... Однажды я отправился гулять и совершенно случайно наткнулся на Лермонтовскій гротъ, въ которомъ есть (увы! теперь уже надо говорить: *была*) мраморная доска съ высѣченнымъ на ней стихотвореніемъ въ память поэта.

*

Безъ всякаго злого умысла, а единственно подъ вліяніемъ веселаго расположенія духа съ одной стороны и восточнаго характера мѣстности и людей съ другой, я вынулъ изъ кармана перочинный ножикъ и исчертилъ всю доску разными остроумными надписями. Подошедшій въ это время юнкеръ заглянулъ, прочиталъ, пріятно улыбнулся и ушелъ прочь. Представь же себѣ, любезный другъ, что на другой день поднялся ужаснѣйшій скандалъ: мои остроумныя надписи нашли неприличными, доску убрали, пропечатали все это въ «Листкѣ для посѣтителей кавказскихъ минеральныхъ водъ»... Иванъ Либеральный выходилъ изъ себя: какая это, говоритъ, свинья посмѣла и пр. Я откровенно сказалъ: я! — Надо было видѣть ярость нашего вѣчно веселаго и безпечнаго друга! Надо было слышать излетавшій изъ устъ его потокъ жалкихъ и грозныхъ словъ! Онъ говорилъ о любви къ отечеству и народной гордости, и о деньгахъ, заплаченныхъ за мраморную доску, о величіи поэта и о своихъ корреспонденціяхъ, о свободѣ и о полиціи... Ты вѣдь знаешь его краснорѣчіе. Я стоялъ безмолвный, смутно чувствуя нѣкоторыя угрызенія совѣсти. Я сдѣлалъ что-то не хорошее... Но что именно? Почему именно на этой доскѣ нельзя писать всего, что мнѣ вздумается? Когда я вижу гдѣ нибудь на углу надпись: здѣсь строго воспрещается производить нечистоты, — я прохожу мимо. Но вѣдь тутъ не было никакой надписи. Лермонтовъ... Что такое Лермонтовъ?.. Забылъ... Однако признаться въ этомъ откровенно я не рѣшался.

— Не ты ли, гремѣлъ, между тѣмъ, Иванъ Либеральный:—не ты ли долбилъ наизустъ всего Лермонтова отъ «Вѣтки Палестины» до «Монго»? Не ты ли корчилъ изъ себя Печорина? Не у тебя ли висѣлъ надъ письменнымъ столомъ портретъ поэта?

Но тщетно рылся я въ своей памяти, она была пуста, какъ выпитая бутылка. Наконецъ блеснулъ какой-то слабый, неясный лучъ. Мнѣ вспомнился пріятно осклабившійся юнкеръ, заставшій меня въ уединенномъ гротѣ съ перочиннымъ ножомъ въ рукахъ. Причемъ этотъ юнкеръ я не понималъ, но чувствовалъ, что къ нему можно какъ-то пристегнуть якорь спасенія.

— Что же такое? прибодрился я: — юнкерская поэзія...

Сказалъ и остановился, потому что забылъ, что дальше. Остановился и нашъ другъ. «Юнкерская поэзія», кажется, напомнила ему что-то, требовавшее новыхъ пріемовъ аргументаціи и ошеломленія. Я съ своей стороны вспомнилъ только, что было на свѣтѣ нѣчто такое, что заслонило для меня Лермонтова, заставило снять со стѣны его портретъ и повѣсить вмѣсто него другіе. Это нѣчто называло Лермонтовскую поэзію юнкерскою поэзіей. Но что это за нѣчто? почему оно называло Лермантова юнкеромъ? Какіе именно портреты повѣсилъ я у себя надъ письменнымъ столомъ послѣ Лермонтова? Опять и опять терзалъ я свою память, и опять и опять тщетно...

— Лермонтовъ, твердилъ я про себя съ озлобленіемъ:—ну Лер-

монтовъ... былъ Лермонтовъ... Демонъ... Мцыри... прекрасна какъ ангелъ небесный, какъ демонъ коварна и зла... Фу, чортъ!.. Лермонтовъ, ну, Лермонтовъ... Потомъ... Что же потомъ?..

Испанскій оселъ аккуратно дѣлалъ свое дѣло и немилосердно рѣзалъ меня на двѣ части. Дальше я уже не въ силахъ былъ сохранять видъ человѣка, галопирующаго по своей доброй волѣ...

— Такъ ничего же я не помню! Ни Лермонтова, ни что до Лермонтова, ни что послѣ Лермонтова, ничего! Слышишь: ничего, ничего, ничего! Выкуси! Самъ садись на испанскаго осла...

Такъ разразился я передъ изумленнымъ Иваномъ Либеральнымъ, который, по обыкновенію, ничего не понимая, принялъ слова «испанскій оселъ» на свой счетъ и обидѣлся. Я не разувѣрялъ его и не слышалъ его упрековъ. Мнѣ было не до него. Конечно! Ничего не помню и баста! Пусть кто хочетъ лѣзетъ на испанскаго осла, а я — знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, ни роду ни племени, ни кола ни двора, ни отца ни матери, зовутъ Иваномъ Непомнящимъ!

Принявъ такое рѣшеніе — какъ давно уже мнѣ слѣдовало его принять! — спѣшу, любезный другъ, увѣдомить тебя объ немъ публично, дабы во-первыхъ, выразить тѣмъ свое уваженіе къ тебѣ, а во-вторыхъ, преподать тебѣ нѣкоторые добрые совѣты. Скажу тебѣ прежде всего, что я счастливъ. Ты человѣкъ ученый, ты слыхалъ о нирванѣ, о буддистскомъ блаженствѣ небытія. Именно нѣчто въ этомъ родѣ испытываю я теперь, когда соскочилъ съ испанскаго осла и облегчилъ душу публичнымъ заявленіемъ: забылъ! все забылъ! Я знаю, ты съ своей обыкновенной логикой скажешь: что-жь, дескать, хорошаго, что ты все забылъ, оторвался отъ всякой почвы и традиціи, забылъ, наконецъ, свои собственныя славныя дѣянія? вѣдь никто другой, какъ ты, обличалъ во взяточничествѣ исправника Z—скаго уѣзда, X—ской губерніи, никто другой, какъ ты, потребовалъ, чтобы слово жидъ было изгнано и на его мѣстѣ водружено слово еврей. — Благодарю, добрый другъ, за память. Дѣйствительно, я, кажется, совершилъ эти славныя дѣянія. Но, забывая *все*, я забываю не только эти свои лавры, а и всѣ тѣ гнуснѣйшія и смѣшнѣйшія положенія, въ которыхъ не разъ приходилось становиться и мнѣ, и тебѣ, и Ивану Либеральному, и Ивану Чувствительному, и Ивану Ничегонепонимающему, и Иванушкѣ Дурачку и всѣмъ прочимъ Иванамъ. А главное, не въ этомъ совсѣмъ дѣло. Я бы и радъ помнить, но что же дѣлать, если все забылъ. Я не тому радуюсь, что забылъ, а тому, что имѣлъ мужество объявить это, тому, что соскочилъ, наконецъ, съ испанскаго осла. Я и тебѣ не говорю: забудь. Напротивъ, припоминай. Въ настоящую минуту ты именно стараешься припоминать, и я съ большимъ сочувствіемъ слѣжу за твоими усиліями. Припоминай, но если ты замѣтишь, что усилія твои тщетны, брось и объяви себя Иваномъ Непомнящимъ. Не послѣдняя выгода этого состоянія заключается въ хладнокровіи и спокойствіи, которыми оно меня на-

дѣлило и образцы которыхъ ты увидишь сегодня же, въ этомъ письмѣ.

Я назвалъ себя счастливымъ. Оно вѣрно. Соскочивъ съ испанскаго осла, я избавился отъ ужаснѣйшихъ мученій. Но нѣтъ добра безъ худа. Во мнѣ развилась подозрительность.

Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу ли въ многолюдный храмъ, —

мнѣ все кажется, что кругомъ меня стоятъ, сидятъ, лежатъ, ходятъ, въ сущности, все такіе же непомнящіе, какъ и я, но только неимѣющіе мужества заявить о своемъ забвеніи или забытьи,—не помню, какъ это говорится по русски. Въ виду этого, мною овладѣлъ духъ прозелитизма. Всѣхъ этихъ непомнящихъ, но неимѣющихъ мужества мнѣ страстно хочется осчастливить, обративъ ихъ въ свою вѣру откровеннаго забвенія. Я долженъ, однако, откровенно признаться, что до сихъ поръ моя миссіонерская дѣятельность была довольно безплодна. Напрасно стараюсь я убѣдить непомнящихъ, но неимѣющихъ мужества, что только достигнувъ той степени безстыдства, которой я достигъ, можно разсчитывать на полное и прочное счастіе. *Они стыдятся!* (я подчеркиваю и *они*, и *стыдятся*), то-есть они предпочитаютъ остановиться на переходныхъ ступеняхъ безстыдства, которыя, по моему, даже хуже безстыдства откровеннаго. Они упорно сидятъ на своихъ испанскихъ ослахъ, и, право, не будь у меня собственнаго опыта, я бы иной разъ, пожалуй, повѣрилъ, что они помнятъ. До такой степени нѣкоторые, даже на испанскомъ ослѣ, умѣютъ сохранить молодцоватую, чисто кавалерійскую посадку. Но меня не проведешь. Идетъ человѣкъ по улицѣ; идетъ онъ очень скоро, очень твердо и съ печатью думы на челѣ, палочкой не помахиваетъ, дамамъ подъ шляпки не заглядываетъ, у магазинныхъ оконъ не останавливается. Но я про себя думаю: шалишь! ничего ты не помнишь! И затѣмъ обращаюсь къ нему. «Милостивый, говорю, государь, а вѣдь вы забыли!» Онъ останавливается, смотритъ на меня во всѣ глаза и затѣмъ съ ужасомъ хватается за карманъ въ брюкахъ, за заднiй карманъ, за боковой. Несчастный! онъ думаетъ, что забылъ портмонэ, онъ думаетъ, что, кромѣ портмонэ, и забывать нечего... Онъ даже, наконецъ, вытаскиваетъ портмонэ и показываетъ его мнѣ, какъ доказательство, что онъ не забылъ. Я его останавливаю. «Портмонэ, говорю, вы, дѣйствительно, не забыли, но это единственная вещь, которой вы не забыли, а затѣмъ область вашего забвенія, можно сказать, необъятна. На первый случай вы забыли, куда и зачѣмъ вы вышли изъ дому, вы забыли заглянуть подъ шляпку и вотъ этой камеліи, и вонъ той матери семейства, вы забыли остановиться передъ окнами Ліонскаго магазина, гдѣ выставлены новые гобелены, вы забыли»... Но тутъ онъ прерываетъ меня, разражаясь бранью, и круто поворачиваетъ назадъ. Однако, я вижу, какъ походка его утрачиваетъ свою солидность, какъ онъ догоняетъ указанныхъ ему

мною дамъ, какъ онъ стоитъ передъ Ліонскимъ магазиномъ. Очевидно, я ему напомнилъ. Но обратилъ ли я его въ вѣру откровеннаго забвенія? Кажется, нѣтъ. И вотъ это-то меня теперь и мучитъ. Но ты понимаешь, конечно, что неудачи не могутъ остановить моего рвенія. Ты по себѣ знаешь, какъ трудно выгнать изъ себя духъ прозелитизма: ты написалъ много неудачныхъ произведеній, но рвеніе тебя никогда не оставляло.

И такъ я обращаюсь съ пропагандой къ тебѣ.

Ты припоминаешь. «Безъ опоры, — пишешь ты въ превосходной передовой статьѣ № 227 «Русскаго Міра»: — безъ опоры твердой середины, безъ установленнаго сборнаго мнѣнія, для котораго у насъ въ настоящее время нѣтъ почвы, люди могутъ только играть въ свободу, злоупотреблять ею во всѣхъ видахъ, но не могутъ ею пользоваться. Наше общественное безсиліе выражается однимъ словомъ: «разбродъ». Нравственная сила всякаго народа заключается въ связности его образованныхъ слоевъ, въ извѣстномъ единствѣ ихъ воззрѣній». И далѣе: «Мы окунулись въ полную безсословность, растворили въ массѣ свое, еще недостаточно связное, еще не созрѣвшее культурное сословіе». Въ превосходнѣйшей передовой статьѣ, № 236 той же газеты, ты весьма мѣтко говоришь: «Въ русскихъ уѣздахъ существуетъ только то разумное общество, которое существуетъ въ русскомъ государствѣ; устройство швейцарскаго кантона въ такой же степени не соотвѣтствуетъ состоянію нашего уѣзда, въ какой общее устройство швейцарскаго союза не соотвѣтствовало бы состоянію русской имперіи». — Въ наипревосходнѣйшей передовой статьѣ, № 237 все того же «Русскаго Міра», ты, съ свойственнымъ тебѣ остроуміемъ, излагаешь: «При культурномъ обществѣ, дѣйствительно сознательномъ и связномъ, завѣдываніе дѣлами всегда будетъ находиться въ рукахъ людей, выносимыхъ впередъ мнѣніемъ, выражающимъ настроеніе большинства... На нашу почву исторія не бросила сѣмянъ парламентаризма въ его европейскомъ и американскомъ видѣ — въ смыслѣ партій, дѣйствующихъ отъ своего лица и побѣждающихъ одна другую временнымъ привлеченіемъ большинства культурнаго слоя на свою сторону» [1]. — Въ глубокомысленной критической статьѣ о «Пугачевцахъ» г. Сальяса, подписанной буквою *А.* («Русскій Вѣстникъ № 4) ты говоришь: «Мы не дали себѣ труда понять, что литература ничѣмъ другимъ не можетъ питаться, какъ интересами образованнаго круга, потому что они одни только суть истинные національные интересы въ формѣ сознательной и пріі-

[1] Я получилъ на дняхъ анонимное письмо съ упрекомъ, что почему-де я не занимаюсь опроверженіемъ твоихъ «серьезныхъ» передовыхъ статей въ «Русскомъ Мірѣ». Откровенно говоря, я думаю, что ты самъ прислалъ мнѣ это письмо. Но во всякомъ случаѣ, какая странная мысль: мнѣ опровергать тебя! мнѣ, который вполнѣ увѣренъ, что передовыя статьи «Русскаго Міра» не только серьезны, а священны, что sacréeselles sont, car personne n'y touche.

уроченной къ интересамъ цивилизаціи... Образованному человѣку естественно относиться съ гораздо большимъ интересомъ къ драмѣ, возникшей изъ столкновенія сложныхъ и зрѣлыхъ характеровъ, руководимыхъ страстями и побужденіями цивилизованнаго быта, нежели къ прозябанію жизни, остановившейся на низшей формѣ развитія... Культурная жизнь имѣетъ исторію, владѣетъ идеалами, въ ней вырабатываются сильныя своеобразныя личности, въ ней нарождаются и сталкиваются интересы, открывающіе человѣческой мысли далекіе горизонты... Жизнь культурнаго общества, его положеніе въ виду народныхъ массъ, находящихся въ состояніи стихійной неподвижности или стихійныхъ движеній, уже есть идея».

Но довольно. И въ другихъ твоихъ, не менѣе глубокомысленныхъ статьяхъ, подписанныхъ буквою *А.* и напечатанныхъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», и въ очеркахъ текущей литературы, которыми ты, скрываясь подъ буквами *А. О.*, снабжаешь «Русскій Міръ», равно какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ ты припоминаешь: культура... ну, культура... была культура... Потомъ... Потомъ «разбродъ», прозябаніе жизни, остановившейся на низшей формѣ развитія... Что такое культурный?.. культурная... Конечно, ты пишешь довольно гладко и не запинаешься такъ ужъ часто. Но я не про печатное говорю, — бумага все терпитъ, — а про очень хорошо знакомый мнѣ процессъ твоей мысли. Это ничего, что ты припоминаешь. Повторяю, я съ большимъ сочувствіемъ слѣжу за твоими усиліями. Мнѣ кажется, я отсюда слышу, какъ въ головѣ твоей отдается какъ колокольный звонъ: культура, культуры, культурѣ, культурою, о культура! культурный, культурная, культурное и т. д. Мнѣ кажется, я вижу, какъ усилія припомнить вызываютъ обильный потъ на твоемъ высокомъ челѣ, ибо, по истинѣ, ты въ потѣ лица зарабатываешь духовный хлѣбъ свой. Мнѣ ли не сочувствовать тебѣ, когда я на себѣ испыталъ всю адскую муку испанскаго осла! Себѣ я помочь не могу, но, старый другъ и товарищъ по несчастію, можетъ быть мнѣ удастся оказать услугу тебѣ. Давай припоминать вмѣстѣ.

Культура! Что такое культура? И что было послѣ культуры? Что это за послѣкультурное нѣчто, которое ты называешь интересомъ къ прозябанію низшей жизни, купаніемъ въ безсословности и т. п.? Ты говоришь, что графъ Сальясъ прекрасно изображаетъ все, что изображаетъ, но что онъ преимущественно «живописецъ культурныхъ явленій нашей жизни, культурнаго общественнаго слоя», и указываешь при этомъ на созданный графомъ Сальясомъ типъ князя Данилы Родіоновича Хвалынскаго. Вотъ и прекрасно.

Дѣдъ князя Данилы, князь Зосима Хвалынскій засталъ свою жену съ стремяннымъ и изъ ревности убилъ ее на мѣстѣ. Потомъ онъ сталъ жить съ своей дворовой дѣвушкой и уже хотѣлъ было жениться на ней, но она умерла отъ родовъ. Князь Зосима такъ отнесся къ своему новорожденному сыну:

— «Проклятое чадо! Распроклятое! кричалъ онъ, обезумѣвъ при видѣ покойницы. — Ты убилъ, отнялъ ее у меня! Задавить его! Тащи! Вѣшай!

«И ударомъ ноги князь повалилъ богатую люльку. Ребенка унесли съ окровавленнымъ личикомъ; крохотная губка была разсѣчена при паденіи.

— «Задавили?! сто разъ въ день спрашивалъ князь, не находя себѣ мѣста въ Азгарѣ. — Задавили?!

— «Задавили-съ, робко отвѣчалъ всякій».

Вотъ первыя пробы культуры. Вотъ «драмы, возникшія изъ столкновенія сложныхъ и зрѣлыхъ характеровъ, руководимыхъ страстями и *побужденіями цивилизованнаго быта*». И такъ на первый разъ, культура есть связь барыни со стремяннымъ, женоубійство, связь барина съ крѣпостной и дѣтоубійство.

Князь Данило не то, что дѣдъ, «но ему еще осталась возможность вернуться назадъ и въ старости быть вторымъ Зосимой». Впрочемъ князь Данило и въ дѣйствительности не менѣе цивилизованъ и «культуренъ», чѣмъ Зосима. Отправился онъ въ Питеръ и очень было повезло ему по службѣ, какъ вдругъ онъ застрѣлилъ одного офицера, а какому-то вельможѣ послалъ плеть — въ слѣдующій де разъ самъ съ плетью пріѣду. Къ плетямъ Данило Родивонычъ обнаруживаетъ большую склонность. Такъ онъ придирается впослѣдствіи на балѣ къ одному военноплѣнному, а когда ихъ разнимаютъ, Данило грозитъ: «заутра я соберу моихъ лихачей и его какъ жида вспорю ногайками на дому». Да этого рода подвиговъ Данилы и не перечесть. Онъ разъ даже одного царскаго воеводу выпоролъ, впрочемъ по ошибкѣ. Конечно, «образованному человѣку естественно относиться съ гораздо большимъ интересомъ къ такому культурному человѣку, чѣмъ къ прозябанію жизни, остановившейся на низшей формѣ развитія». Итакъ, обладать культурой значитъ пороть людей плетью или ногайками, самолично или при помощи своихъ лихачей.

Князь Данило, повинуясь вѣщему сну, женится на милой, но простоватой дѣвушкѣ, Милушѣ. Она ему скоро надоѣдаетъ и онъ ѣдетъ искать подвиговъ. Въ его отсутствіе прежній женихъ Милуши, Соколъ-Уздальскій, тоже человѣкъ культуры, опаиваетъ ее и насилуетъ. Данило Родивонычъ не только подвергаетъ за это виновника всяческимъ истязаніямъ (опять при помощи своихъ лихачей), но безбожно тиранитъ хотя и надоѣвшую ему, но рѣшительно ни въ чемъ неповинную Милушу, наконецъ упекаетъ ее даже въ монастырь, а самъ связывается съ глупой и развратной татаркой Шерфе.—Культура, культуры, культурѣ...

Князь Данило рѣшаетъ принять участіе въ усмиреніи Пугачевщины. Онъ на свой счетъ сформировалъ гусарскій полкъ и съ нимъ «жегъ, билъ и вѣшалъ все и всѣхъ, попадавшихся подъ руку на пространствѣ отъ Бугульмы до Юзеевой и между прочимъ *сжегъ* три большія татарскія деревни. Благодаря этому,

душъ восемьсотъ, оставшихся вдругъ безъ крова и хлѣба, тучей двинулись въ Берду (къ самозванцу), побросавъ женъ и дѣтей, но унося съ собой звѣрскую ярость и злобу на царицыны порядки и полки». Бибиковъ объ этой дѣятельности князя Данилы отозвался такъ: «Герой! Veni, vidi... и перваго, кто подвернулся— на висѣлицу! или изъ пистолета! Самъ и сыщикъ, и судья, и палачъ. Три села сжегъ, а куда пошли погорѣльцы?—въ Берду! Царицѣ услужилъ!?.. Много ихъ на Руси такихъ.. Вотъ они что! — показалъ Бибиковъ на ящикъ изъ возка — осина подъ орѣхъ». — Но, конечно, это Бибиковъ пустяки сказалъ, Данило Родивонычъ совсѣмъ не осина подъ орѣхъ, не поддѣлка подъ культуру, а самая настоящая, заправская культура. Его интересы «одни только суть истинные національные интересы въ формѣ сознательной и пріуроченной къ интересамъ цивилизаціи».

Ты припоминаешь, очевидно, не безъ успѣха. Но мнѣ все таки кажется, что ты не все припомнилъ. Въ твоемъ «критическомъ очеркѣ» исторической теоріи Бокля (подписанномъ А. П. Стадлинъ, «Русскій Вѣстникъ», № 7) ты весьма основательно доказываешь, между прочимъ, что понятія этого мыслителя о культурѣ односторонни, ибо, говоришь ты, знаніемъ культура не исчерпывается. Это такъ, но вѣдь не исчерпывается она также изнасилованіемъ женщинъ, развратомъ, плетьми, ногайками, лихачами, выжиганіемъ мирныхъ селеній, женоубійствомъ, дѣтоубійствомъ, звѣрствомъ надъ неповинной женщиной, упеканіемъ ее въ монастырь и проч. Какъ ни обширна и разнообразна эта программа, но все таки въ ней, на сколько я могу припомнить что такое культура, чего-то какъ будто недостаетъ. Пустяка, конечно, какого нибудь, но все таки...

Бокль безъ сомнѣнія далеко превосходитъ тебя въ односторонности. Но вотъ въ чемъ онъ, кажется, совершенно правъ: одинаковыя причины при одинаковыхъ условіяхъ всегда производятъ одинаковыя слѣдствія. Взять хоть бы насъ съ тобой. Я забылъ, что такое Лермонтовъ и что было послѣ Лермонтова и, не видя выразительной надписи: здѣсь воспрещается производить нечистоты,—исчертилъ мраморную доску остроумными надписями, которыя однако многими считаются неприличными. Ты забылъ, что такое культура и что было послѣ культуры и тоже, не видя выразительной надписи, отнесъ на счетъ культуры различныя славныя дѣянія, которыя однако многими называются дѣяніями позорными, подлыми, преступными и глупыми. Замѣть какое сходство. Оба мы забыли и оба же произвели нечистоты тамъ, гдѣ это воспрещается, хотя, по обстоятельствамъ времени, запретительной надписи на лицо и нѣтъ.

Однако, давай опять припоминать. Оставимъ романъ графа Сальяса, объ которомъ переговорено уже достаточно и обратимся къ другимъ источникамъ. Можно бы было пожалуй порыться въ «Исторіи блѣднаго молодого человѣка». Но я долженъ тебѣ откровенно сознаться, что я не могъ одолѣть этого едва ли не

скучнѣйшаго изъ твоихъ произведеній. Вообще я замѣтилъ, что все, написанное тобою подъ псевдонимомъ Аверкіева, какъ-то напоминаетъ... какъ-то ровно ничего не напоминаетъ. Можетъ быть, конечно, потому, что я Иванъ Непомнящій. Но все таки, если бы я зналъ тебя только какъ Аверкіева, я бы былъ увѣренъ, что ты этакій блѣдный, блѣдный, бѣлокурый молодой человѣкъ. Но у тебя есть другой псевдонимъ, гораздо болѣе счастливый,— Лѣсковъ-Стебницкій. Зная тебя съ этой стороны, я говорю: о нѣтъ, его, конечно, не скоро заставишь покраснѣть, но не блѣдный онъ и не бѣлокурый, а этакій кирпичнаго цвѣта брюнетъ, желчнаго темперамента. Дѣйствительно, подъ псевдонимомъ Лѣскова-Стебницкаго тебѣ удавалось писать почти всегда по крайней мѣрѣ пикантныя, забористыя вещи. Обратимся же къ «Захудалому роду; Семейной хроникѣ князей Протозановыхъ» («Русскій Вѣстникъ», №№ 7, 8), хоть она еще и не кончена.

Въ «Захудаломъ родѣ» мы видимъ уже совсѣмъ не тѣ черты культуры, что изображены въ «Пугачевцахъ». Совсѣмъ не тѣ. Культурныхъ типовъ въ родѣ Зосимы, Данилы, Ивана [1] Хвалынскихъ въ семейной хроникѣ князей Протозановыхъ нѣтъ. Здѣсь напротивъ все мудрость, красота, благость, кротость, мужество, твердость, цѣломудріе, смиренномудріе, любвеобиліе, словомъ всевозможныя блестящія качества умственныя, нравственныя и физическія и вдобавокъ богатство и знатное происхожденіе (прямехонько отъ удѣльныхъ князей). Одинъ изъ Протозановыхъ былъ «мудрецъ и праведникъ», такъ что даже смерть его слѣдуетъ называть не смертью, а «успеніемъ». Другой былъ «чистый человѣкъ, совершенно чистый». Объ этихъ только говорится и не совсѣмъ ясно видно, въ чемъ состояли ихъ мудрость, святость и чистота. Но вотъ и дѣйствующее лицо — бабушка (разсказъ ведется отъ имени княжны Протозановой) княгиня Варвара Никаноровна, урожденная Честунова (фамилія эта производится отъ честности). Добродѣтели бабушки изливаютъ свой свѣтъ преимущественно (по крайней мѣрѣ въ первой части хроники) на не культурные элементы.

Мужъ бабушки убитъ на войнѣ. Извѣстіе это привозитъ княгинѣ лакей, Патрикѣй Семенычъ Сударичевъ. Бабушка, конечно, огорчена, ибо супруги нѣжно любили другъ друга, но вмѣстѣ съ тѣмъ бабушка горда смертью мужа на полѣ битвы и потому даетъ вѣстнику Сударичеву вольную. Сударичевъ упирается, а когда княгиня настояла на своемъ, онъ бросаетъ вольную въ свѣчной ящикъ, гдѣ та и лежитъ безъ употребленія сорокъ лѣтъ, вплоть

[1] Я совсѣмъ забылъ объ этомъ нашемъ тезкѣ. Опредѣлю его нравственную физіономію твоими собственными словами изъ той же критической статьи о «Пугачевцахъ»: Иванъ Хвалынскій «соединяетъ въ себѣ черты сказочнаго Иванушки (т. е. Иванушки Дурачка) съ чертами Фонвизинскаго недоросля». Вотъ значитъ еще черты культуры. И, конечно, интересы этого дурачка суть именно интересы національные и интересы цивилизаціи.

до смерти вѣрнаго Патрикѣя. Мужъ бабушки врубился въ ряды непріятелей, призывая за собой своихъ однополчанъ. Однако за нимъ послѣдовалъ въ сѣчу только одинъ трубачъ, который и вынесъ его трупъ. Бабушка посылаетъ вѣрнаго Патрикѣя разыскать вѣрнаго трубача. Несмотря на всѣ препятствія, вѣрный Патрикѣй исполняетъ возложенное на него порученіе и между княгиней и разъисканнымъ трубачемъ Петромъ Грайвороной происходитъ слѣдующій діалогъ. Княгиня спрашиваетъ Грайворону, за что онъ особенно любилъ ея мужа. — «Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство, въ особину не любилъ». — Отчего-жъ ты за нимъ въ сѣчу врубился? — «Командиръ, ваше сіятельство, командира нельзя бросить, на то крестъ цѣловалъ». — «А-а! Такъ вотъ ты какой! Это хорошо, честно». — «Точно такъ, ваше сіятельство». — «Ну во всякомъ разѣ ты добрый человѣкъ, что ко мнѣ пріѣхалъ». — «Никакъ нѣтъ, я ослушаться не посмѣлъ». — Почему? спрашиваетъ княгиня. — «Вы командирша, ваше сіятельство». — «А-а, это хорошо. Ты значитъ теперь послѣ мужа ко мнѣ подъ команду поступаешь?» — «Точно такъ, ваше сіятельство». Изъ дальнѣйшаго разговора оказывается, что Грайворона не только человѣкъ безродный, но даже никогда не видавшій добрыхъ людей. «Никогда, говорилъ онъ, я добрыхъ людей, ваше сіятельство, не бачивалъ», и на переспросъ княгини подтверждаетъ: «точно такъ, еще никогда ни одного не видалъ». Въ полку Грайворону все дразнили хохломъ, а въ деревнѣ москалемъ и вдобавокъ выгнали изъ дому. Его пріютилъ слѣпой нищій, который однако тоже оказался недобрымъ человѣкомъ, ибо покусился однажды выварить Грайворонѣ кипяткомъ глаза, чтобы имъ больше подавали милостыни. Бабушка рѣшаетъ, что она успокоитъ и наградитъ этого соратника своего мужа. Во-первыхъ, она велитъ послать въ деревню Грайвороны денегъ бѣднымъ, десять рублей слѣпому нищему, «чтобы онъ былъ добрѣе» и серебряное паникадило съ соотвѣтственною надписью въ церковь, гдѣ Грайворона крещенъ. При этомъ Грайворона смѣется. Бабушка освѣдомляется о причинѣ этого смѣха, или, говоритъ, это тебѣ не нравится? — «Очень, отвѣчалъ трубачъ, потому что имъ отъ этого никогда въ носъ не учкнетъ, что этотъ паникадилъ для меня будетъ горѣть, а не для праздника». Затѣмъ Грайворонѣ дается изба, корова, овцы, свинья, мѣсячина и кромѣ того по бутылкѣ водки въ день. Но Грайворонѣ бутылки въ день мало, онъ пропиваетъ все, все тащитъ въ кабакъ. И когда ему говорятъ: «гляди до чего допился, вѣдь у тебя уже въ глазахъ и свѣту нѣтъ», онъ отвѣчаетъ: «а на что мнѣ въ глазахъ свѣтъ, когда за меня паникадило свѣтитъ». Бабушка все это терпитъ и только объ одномъ и думаетъ, какъ бы Гройворонѣ получше было. Предлагаетъ ему жениться, но онъ отказывается: «Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство, я кавалерскій характеръ имѣю, всякой женщинѣ наскучить могу». У бабушки родится сынъ. Грайворона, конечно пьяный, стрѣляетъ у нея подъ окномъ изъ ружья въ честь ново-

рожденнаго. Княгиня падаетъ отъ испуга въ обморокъ, но, очнувшись и узнавъ въ чемъ дѣло, съ ангельскою кротостью говоритъ: «а вотъ видишь, вы все меня увѣряете, что онъ глупъ. Вы всѣ на него нападаете, а онъ вѣрный человѣкъ. Прикажи ему отъ меня сейчасъ стаканъ вина поднести и поблагодарить». Собственный испугъ ничего не значитъ для сіяющей добродѣтелями бабушки, но она приходитъ въ ужасъ, когда узнаетъ, что тѣмъ же выстрѣломъ разорвало ружье, изуродовало Грайворонѣ и безъ того уродливое лицо и оторвало палецъ. Вѣрному Грайворонѣ это впрочемъ ничемъ: «Если я, говоритъ онъ,—ея сіятельству моимъ усердіемъ потрафилъ, такъ прочее все пустяки, и не долго думая взялъ овечьи ножницы, да самъ себѣ палецъ оторванный совсѣмъ прочь и отстригнулъ. А на счетъ рожи, что опалилъ, говоритъ, это совсѣмъ незамѣчательно: она почитай такая и была; опухъ самъ пройдетъ, а тогда она опять вся на своемъ мѣстѣ станетъ». Наконецъ вѣрный идіотъ Грайворона проситъ работы, но что ему ни дадутъ, все испакоститъ: десятникомъ назначили—бабъ всѣхъ перебилъ, конюхомъ—пьяный подъ лошадь свалился, гуменнымъ сторожемъ—на нѣсколько тысячъ хлѣба сжегъ. Пьянствовалъ же онъ все сильнѣе, такъ что наконецъ до того дошелъ, что въ церкви отлѣпилъ отъ иконы свѣчку и тутъ же закурилъ объ нее трубку, за что его мужики побили. Отъ побоевъ ли или отъ пьянства Грайворона захворалъ. Культурная бабушка послала ему нашатырнаго спирта вытереться, а онъ, какъ подобаетъ некультурному человѣку, «изъ бутылочки выпилъ, а бутылочкой себя по всѣмъ мѣстамъ вытеръ», отчего, разумѣется, и померъ.

Представивъ въ этомъ превосходномъ эпизодѣ, равно какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, столь же превосходныхъ эпизодахъ, все величіе души, змѣиную мудрость и голубиную кротость бабушки, ты, устами княжны-хроникера, продолжаешь: «Какъ понятно мнѣ то, что Данте разсказываетъ объ одномъ миніатюристѣ XIII вѣка, который, начавъ рисовать изображенія въ священной рукописи, чувствовалъ, что его опытная рука постоянно дрожитъ отъ страха, какъ бы не испортить миніатюрныя фигуры. Въ эти минуты я чувствую тоже самое. Пока я писала о бабушкѣ и другихъ предкахъ Протозановскаго дома, я не ощущала ничего подобнаго, но когда теперь мнѣ приходится нарисовать на память ближайшихъ бабушкиныхъ друзей, которыхъ она выбирала не по роду и общественному положенію, а по ихъ внутреннимъ, ей одной вполнѣ извѣстнымъ преимуществамъ, я чувствую въ себѣ невольный трепетъ. Могу ли я хоть сколько нибудь отчетливо изобразить симпатичныя, умиляющею теплотою и безмѣрнымъ благородствомъ дышавшія черты этихъ маленькихъ людей». Однако ты рѣшаешься-таки употребить свое перо, привычное къ изображенію людей великихъ, посвятить временно людямъ маленькимъ. Первый маленькій человѣкъ съ умоляющею теплотою и безмѣрнымъ благородствомъ есть Патрикѣй Семенычъ Сударичевъ. Мы уже видѣли какъ онъ оставилъ вольную на сорокъ лѣтъ въ свѣчномъ

ящикѣ. Онъ «по натурѣ фанатикъ рабской преданности и твердый консерваторъ старыхъ порядковъ». Патрикѣй человѣкъ весьма способный, такъ что «охотнику мечтать о дарованіяхъ и талантахъ, погибшихъ въ разныхъ русскихъ людяхъ отъ крѣпостнаго права», такому охотнику ты не безъ насмѣшки (надъ охотникомъ конечно) предлагаешь подумать, до какихъ степеней могъ бы дойти Патрикѣй на поприщѣ дипломатіи или науки. Ты съ своей стороны увѣренъ, что Патрикѣй ни дипломатіи, ни науки «не предпочелъ бы тому, что считалъ своимъ призваніемъ: быть вѣрнымъ служителемъ великодушной княгинѣ». Этому можно повѣрить не только на основаніи безмѣрнаго благородства Патрикѣя вообще, но и на основаніи слѣдующаго случая въ частности. У Патрикѣя былъ сынъ Николай, который, благодаря ангелоподобной бабушкѣ, вышелъ «въ благородные», именно въ архитекторы. (Выйдя, однако, въ благородные, онъ, кажется, не наслѣдовалъ безмѣрнаго благородства своего отца). Когда Николай Сударичевъ пріѣхалъ уже въ званіи архитектора въ Протозаново, ангелоподобная бабушка сейчасъ же ему, разумѣется, золотые часы и сто рублей на пару платья. Но сверхъ того она пригласила къ себѣ на обѣдъ. Патрикѣй пришолъ въ священный ужасъ. Какъ! его сынъ, сынъ кровнаго холопа будетъ сидѣть за княжескимъ столомъ! Но княгиня настояла таки на своемъ и только услала зачѣмъ-то Патрикѣя на время обѣда. Однако Патрикѣй желая доказать, что его безмѣрное благородство дѣйствительно безмѣрно, въ половинѣ обѣда явился и принялся за свои обычныя занятія, какъ ни въ чемъ не бывало. Сталъ онъ обходить столующихъ съ бутылкой, наклоняясь къ каждому съ почтительной фразой: не прикажете ли мадеры? Ангелоподобная бабушка его не останавливала. Вотъ онъ подошелъ къ сыну и уже наклонился съ твердою рѣшимостью произнести свое: не прикажете ли? Но тутъ силы оставили старика и онъ упалъ безъ чувствъ. Какой трагическій моментъ и какъ онъ обрисовываетъ и безмѣрное благородство Патрикѣя и умъ, тактъ и проницательность бабушки! Ты превзошелъ себя въ этой сценѣ!

Есть и другіе маленькіе, но тоже безмѣрно благородные люди около бабушки, да и вообще все, что̀ около нея стоитъ, заимствуя отъ нея свой свѣтъ, оказывается преисполненнымъ всяческихъ добродѣтелей. Только Грайворону присутствіе бабушки не могло излечить отъ пьянства и идіотизма. Но и то сказать, Грайворона воспитался въ полку, значитъ внѣ вліянія дворни, помѣщичьяго дома и другихъ центровъ культуры. Можетъ быть, даже онъ былъ изъ государственныхъ крестьянъ. Значитъ, съ него и взять нечего. Совсѣмъ другое дѣло Патрикѣй, горничная Ольга Федотовна, дьяконица Марья Николавна. Не берусь разсказывать ихъ подвиги любви, безмѣрнаго благородства и самоотверженія. Твое перо здѣсь нужно, твое или Шекспира. Скажу одно. Несмотря на всѣ добродѣтели маленькихъ людей,

имъ все-таки далеко до добродѣтелей людей великихъ. Напримѣръ, Ольга Федотовна. Эта изумительная дѣвушка полюбила семинариста, брата дьяконицы Марьи Николаевны, пріѣхавшаго на каникулы. Семинаристъ полюбилъ ее. Уже оба мечтали о счастіи, какъ вдругъ Ольга Федотовна узнаетъ, что женитьба на ней испортитъ карьеру семинариста. Она рѣшаетъ устроить какую-нибудь неодолимую преграду между собой и любимымъ человѣкомъ. Для этого, увлекши юнаго семинариста любовными рѣчами, она обѣщаетъ ему поцалуй, если тотъ дастъ слово исполнить первую ея просьбу. Тотъ сдуру даетъ слово, получаетъ поцалуй, а на другой день самоотверженная Ольга Федотовна требуетъ, чтобы онъ съ ней крестилъ. Куму и кумѣ жениться нельзя и цѣль Ольги Федотовны достигнута. Какая должна быть тонкая и сильная душа у этой Ольги Федотовны! Какъ и какимъ трепетомъ должна она была трепетать, выдерживая поцалуй и любовныя рѣчи съ страстно любимымъ человѣкомъ въ ночной тиши и наединѣ, и все-таки не отказываясь отъ мысли вырыть между имъ и собой непроходимую пропасть! И вырыть именно при посредствѣ этого поцалуя и этихъ любовныхъ рѣчей въ ночной тиши и наединѣ! Очень у тебя эта черточка хорошо задумана, но, Боже! какъ она исполнена... Не въ томъ дѣло. Казалось бы выше и глубже такого созданія не можетъ быть ничего. И, однако, княгиня Протозанова выше и глубже. Она понимаетъ Ольгу Федотовну, а Ольга Федотовна не можетъ понять княгини. Такъ она во всю свою жизнь не можетъ взять въ толкъ, съ чего бабушка такъ привязалась къ пьяному идіоту Грайворонѣ. Это для нея слишкомъ тонко. Конечно, такъ и должно быть: большому кораблю и плаваніе большое, а маленькіе люди, несмотря на свое безмѣрное благородство, все-таки мелко плаваютъ. Они все-таки не культурные люди и блестятъ свѣтомъ, отраженнымъ отъ культурнаго солнца...

Поставленъ тобою около бабушки еще одинъ человѣкъ, не великій и не маленькій, а такъ себѣ средняго роста, но тоже безмѣрно благородной души,—дворянинъ Доримедонтъ Васильевичъ Рогожинъ. Этотъ Рогожинъ весьма благоразумно склеенъ изъ обломковъ Донъ-Кихота и Чертопханова, основательно изучилъ книгу г. Карновича «Замѣчательныя богатства частныхъ людей въ Россіи» и придерживается политической программы, изложенной тобою въ передовыхъ статьяхъ «Русскаго Міра». Больше о немъ пока ничего не имѣю сказать.

Забывъ все, я не могъ, однако, забыть твоихъ прежнихъ романовъ, написанныхъ подъ псевдонимомъ Лѣскова-Стебницкаго. Безсмертное не забывается. Поэтому я очень хорошо знаю многое изъ непапечатанныхъ еще частей «Захудалаго рода». Я знаю, что изъ рода Николая Сударичева, которому вѣрный Патрикѣй едва не предложилъ мадеры, выйдетъ то чудище обло, озорно, стозѣвно и лаяй, тѣ нигилисты и нигилистки, ка-

ихъ умѣетъ создавать только твоя творческая фантазія. Захуданіе же рода князей Прютозановыхъ выразится тѣмъ, что ихъ позднѣйшіе представители будутъ вовлечены въ пасть этого страшнаго чудища. Но ихъ поддержитъ либо зміиная мудрость и голубиная кротость бабушки, либо стремительность Донъ-Кихота-Чертопханова-Доримедонта Рогожина, либо преданность кого-нибудь изъ безмѣрно благородныхъ холоповъ. Имѣя такимъ образомъ въ рукахъ и начало, и конецъ твоего новаго произведенія, что̀ извлечемъ мы изъ него по части культуры? Очевидно, до появленія чудища обла и озорна господствуетъ культура, а съ этого времени она исчезаетъ. Ты даже довольно отчетливо указываешь отдаленный моментъ зарожденія чудища, поглотившаго впослѣдствіи культуру. Ты находишь, что еще «съ возвращеніемъ нашихъ войскъ изъ Парижа въ обществѣ нашемъ обнаружился повсемѣстный недостатокъ взаимоуваженія». Но все-таки что̀ такое культура и что̀ было послѣ культуры? Припомнилъ ли ты что-нибудь?

Ничего или очень мало. Перечислю кратко, что̀ ты забылъ.

Ты забылъ, во-первыхъ, все, что̀ говорилъ выше. Ты забылъ, что «литература ни чѣмъ другимъ не можетъ питаться, какъ интересами образованнаго круга», что образованнаго человѣка не должно интересовать прозябаніе низшихъ формъ жизни. Забывъ все это, ты посвятилъ много страницъ прозябанію низшихъ формъ жизни, потому что что̀ же можетъ быть ниже жизни Петра Грайвороны. Да и интересы Патрикѣя, хотя и безмѣрно благороднаго, все-таки не суть интересы образованнаго круга.

Ты забылъ, создавая образъ Петра Грайвороны, тѣ упреки, которые ты такъ часто дѣлалъ «петербургской» литературѣ за изображеніе низшей жизни вообще и пьяницъ, и идіотовъ въ особенности. Вспомни, какимъ Соловьемъ [1] свисталъ ты на эту тему. Ты заступался за оклеветанный народъ. Но ты долженъ также вспомнить, что петербургская литература никогда не оттѣняла своихъ пьяницъ такимъ рѣзкимъ контрастомъ, какой представляетъ ангелоподобная бабушка Варвара Никаноровна.

Кстати, я рѣшаюсь здѣсь ходатайствовать передъ тобой за Петербургъ и петербургскую литературу. Еще одна твоя статья, и отъ этого города, и отъ этой литературы только мокренько останется. Велика сила твоихъ ударовъ и вполнѣ законно твое негодованіе. Но удержи свою карающую руку еще нѣкоторое время. Быть можетъ, петербургская литература исправится и признаетъ тебя геніемъ. Удержись хотя бы ради твоихъ близкихъ пріятелей и даже можно сказать благотворителей, князя Ивана Точки и Ивана Генералова, которые вѣдь тоже въ Петер-

[1] Пишу съ прописной буквы, ибо разумѣю сказочнаго Соловья Будимировича, отъ богатырскаго свиста котораго не то что петербургская литература, а и Илья Муромецъ едва устаивалъ на ногахъ.

бургѣ фигурируютъ. Вспомни, что ради одного праведника былъ пощаженъ преступный городъ, и пощади въ свою очередь. Я не даромъ прошу. Я выведу тебя за то изъ затрудненія, въ которое ты вовлеченъ забвеніемъ.

Культура, любезный другъ, не есть, какъ ты предполагалъ сначала, система дѣяній, предусмотрѣнныхъ уголовными законами. Изъ представленныхъ тобою самимъ новыхъ данныхъ слѣдуетъ заключить, что культура есть нѣчто двухъстороннее: съ одной стороны мудрость, кротость, красота, мужество и проч. и проч., а съ другой—одна преданность. Блескъ и преданность—вотъ полная формула культуры. Очень характерно выражается въ одномъ мѣстѣ бабушка Варвара Никаноровна. Когда ей докладываютъ о причинѣ ея испуга, то-есть о выстрѣлѣ пьянаго идіота Грайвороны, она говоритъ: «вотъ вы все называете его *глупымъ*, а онъ *вѣрный* человѣкъ». И такъ глупость съ успѣхомъ замѣняется преданностью. Культура есть, слѣдовательно, нѣкоторое таинство, въ совершеніи котораго принимаютъ участіе, по крайней мѣрѣ, двое лицъ. Первому изъ нихъ вовсе нѣтъ надобности, какъ ты первоначально утверждалъ, непремѣнно потрясать ногайкой, жечь, сѣчь, убивать, запирать женщинъ въ монастыри, насиловать ихъ и проч. Напротивъ, лицу этому нисколько не возбраняется быть вмѣстилищемъ всѣхъ добродѣтелей. Оно должно только имѣть право на блескъ и возможность блистать. Другое лицо, въ свою очередь, можетъ быть и безмѣрно благороднымъ, и пьяницей, и идіотомъ, но оно должно быть преданнымъ,—вотъ условіе sine qua non его участія въ таинствѣ культуры. Не помню, въ которомъ изъ твоихъ романовъ одинъ ужасный нигилистъ пускаетъ мышь въ кіоту. Это продуктъ послѣкультурнаго времени, собственно потому, что въ немъ нѣтъ преданности. Петръ же Грайворона, закуривая въ церкви трубку у свѣчки, поставленной передъ иконой, есть участникъ культуры, ибо онъ преданъ. Малограмотный Патрикѣй, въ качествѣ преданнаго, причастенъ культурѣ. Но онъ сталъ бы ей не причастенъ, еслибы, измѣнивъ своему долгу, предался соблазнамъ дипломатіи и науки, и даже еслибы оказалъ огромные успѣхи на этихъ поприщахъ. Точно также и сынъ его, Николай Сударичевъ или кто-либо изъ его потомковъ, несмотря на свое архитекторство и «благородство», окажется внѣ культуры, если, какъ я сильно опасаюсь, преданность покинетъ въ послѣдующихъ частяхъ твоей хроники безмѣрно благородный родъ Сударичевыхъ. А если такъ, то очень неосновательно предположилъ ты сначала, что образованному человѣку неестественно интересоваться прозябаніемъ жизни, остановившейся на низшей формѣ развитія. Напротивъ, если эта низшая жизнь обладаетъ преданностью, то она вполнѣ достойна вниманія образованныхъ людей. Теперь ты можешь припомнить и истинныя причины твоей ненависти къ петербургской литературѣ. Совсѣмъ не тѣмъ она виновата, что изображаетъ жизнь,

остановившуюся на низшей ступени развитія, а тѣмъ, что не изображаетъ преданности. Будь въ произведеніяхъ этой литературы преданность, надѣляй она своихъ подлиповцевъ и иныхъ безмѣрнымъ благородствомъ камердинера Патрикѣя и камеръюнгферы Ольги Федотовны, ты бы ей все простилъ, даже непризнаніе тебя геніемъ; ты опустилъ бы свою грозно поднятую культурную ногайку и взялъ бы обыкновенное стальное или гусиное перо.

Выручивъ тебя изъ одного затрудненія, я, къ сожалѣнію, не могу помочь тебѣ въ другихъ неловкихъ положеніяхъ, въ кои ты попалъ по безпамятству.

Въ созданіи образа Донъ-Кихота - Чертопханова - Доримедонта Рогожина, ты забылъ границу, отдѣляющую подражаніе отъ плагіата.

Въ созданіи образа княгини Варвары Николаевны Протозановой ты забылъ, что она должна быть очень умна, умнѣе тебя, если это возможно. А она глупа. Съ перваго раза это незамѣтно, благодаря направленному на нее тобою ослѣпляющему электрическому освѣщенію. Съ перваго раза дѣйствительно только глазамъ больно, а разобрать ничего нельзя. Но приглядись и увидишь, что ума ты не могъ придать бабушкѣ. Возьми хоть вышеприведенный эпизодъ за обѣдомъ. Не предотвративъ прислуживанія отца сыну (что она могла бы сдѣлать, не приглашая къ обѣду Николая Патрикѣича или же остановивъ за обѣдомъ Патрикѣя Семеныча), бабушка оказалась либо злобнымъ Мефистофелемъ, ехидно подшучивающимъ надъ преданностью, либо глупой женщиной Но она, конечно, не Мефистофель, слѣдовательно... Или, напримѣръ, ея отношенія къ дьяконицѣ Марьи Николавнѣ. Пусть жалуется сама Марья Николавна. Она, правда, не жалуется, ибо она тоже безмѣрно благородна, но дѣло говоритъ само за себя. «Чуть бывало—разсказываетъ дьяконица—кто французскимъ языкомъ при ней обмахнется, я уже такъ и замру отъ ожиданія, что сейчасъ *осажо* будетъ, и главное все на мой счетъ. Такъ бы вотъ вскочила да и дернула его: «перестаньте». А она слушаетъ, слушаетъ и все морщится, да вдругъ и извинится: «Позвольте, скажетъ, мнѣ васъ перервать: что вы это все по французски безпокоитесь? Мы вѣдь здѣсь русскіе, и вотъ, другъ мой, Марья Николаевна... она по французски и не понимаетъ и можетъ подумать что-нибудь на ея счетъ, и обидѣться можетъ»... И все бывало этакъ чаще всего за меня, такъ что даже право мученье мнѣ это было при гостяхъ сидѣть... Я бывало обыкновенно сейчасъ послѣ обѣда хожу между гостей и все отыскиваю, который пострадалъ и прошу: батюшка мой! Христа ради меня простите, что отъ меня вытерпѣли! Я тому ни сномъ, ни духомъ не виновата».—Ты, конечно, понимаешь,—какъ тебѣ не понимать!—что бабушка поступала грубо, неделикатно до послѣдней степени, чисто по самодурски. Но она любила Марью Нико-

лаевну и мучила ее не по злобѣ, а почему? Нипочему другому, другъ любезный, какъ по глупости.

Наконецъ, не только въ семейной хроникѣ князей Протозановыхъ, а рѣшительно во всѣхъ твоихъ произведеніяхъ, беллетристическихъ, критическихъ и публицистическихъ, ты забылъ самого себя. Какъ ни удивителенъ этотъ феноменъ на первый взглядъ, но онъ тебѣ знакомъ. Даже хроника твоя пишется «на память измельчавшимъ и едва ли самихъ себя не позабывшимъ потомкамъ древняго и добраго рода» князей Протозановыхъ. Возможное для потомковъ князей Протозановыхъ возможно и для тебя, Ивана Камердинерова. Я знаю, ты возмутишься противъ этой мысли не меньше, чѣмъ возмутился Патрикѣй Семенычъ противъ мысли княгини посадить Николая Патрикѣича за барскій столъ. Ты слишкомъ свыкся съ мыслію, что всѣ пакости Хвалынскихъ суть культура, а бабушка Протозанова непремѣнно должна быть освѣщена электрическимъ освѣщеніемъ собственныхъ добродѣтелей и всеобщей преданности. Но напрасно ты думаешь, что ты недостоинъ развязать ремня у сапоговъ Хвалынскихъ и Протазановыхъ и можешь только чистить эти сапоги. Оно можетъ быть и такъ, но не потому, что твое генеалогическое древо не совсѣмъ изслѣдовано. Конечно, ты не аристократъ по рожденію. Объ этомъ свидѣтельствуетъ не только твоя подлинная фамилія, но и избираемые тобою псевдонимы: Аверкіевъ, Авсѣенко, Лѣсковъ, Петръ Петровъ, все это звучитъ не само аристократически. По однимъ источникамъ ты аптекарь, значитъ нѣчто въ родѣ отца Бѣлинскаго, которыхъ (отца и сына) ты нынѣ столь презираешь, какъ недостаточно культурныхъ людей («По поводу одной литературной репутаціи», «Русскій Вѣстникъ», № 8). По другимъ ты никогда «въ князья не прыгалъ изъ хохловъ», да и не въ князья только, а вообще никуда не прыгалъ. Наконецъ по твоимъ собственнымъ показаніямъ, поэтически изложеннымъ, ты «просто грамотный купецъ». Но все это не мѣшаетъ твоему роду быть весьма древнимъ. Правда, онъ теряется во мракѣ неизвѣстности за поколѣніе, за два до тебя и оставляетъ такимъ образомъ обширное поле предположеніямъ. Быть можетъ, твой дѣдъ—кто знаетъ — былъ никто иной, какъ Петръ Грайворона. Быть можетъ сосѣдей твоего прадѣда не разъ поролъ ногайками и Данило Хвалынскій, а Соколъ-Уздальскій безчестилъ ихъ женъ и дочерей. Быть можетъ, твой прапрадѣдъ былъ тотъ самый красавецъ стремянной, котораго Зосима Хвалынскій, заставъ съ женой, покаралъ за недостатокъ преданности. А можетъ быть именно онъ съ трепетомъ отвѣчалъ на вопросъ стараго звѣря объ участи его сына: «задавили-съ». Конечно, это все предположенія. Не изслѣдовано твое родословное древо, но оно существуетъ. Предки у тебя были, мнѣ вѣрный человѣкъ сказывалъ. Припомни же ихъ, чѣмъ считать чужихъ, припомни ихъ судьбу, ихъ радости и горести и можетъ быть

увидишь, что ты не только путемъ преданности можешь стать участникомъ культуры...

Не могу опять не отмѣтить сходства между нами. Что былъ на свѣтѣ нѣкоторый поэтъ по фамиліи Лермонтовъ, что его портретъ висѣлъ у меня надъ письменнымъ столомъ, что потомъ я этотъ портретъ бросилъ въ печку и повѣсилъ на его мѣстѣ другіе, что и эти другіе были затѣмъ мною употреблены на растопку плиты, на которой варился мой обѣдъ,—все это я, пожалуй, помню. Но помню я только вещественную сторону дѣла, а невещественная сторона—мои отношенія къ Лермонтову и къ тому, что было послѣ Лермонтова, мотивы, побудившіе меня сначала повѣсить портретъ Лермонтова, а потомъ сжечь, потомъ повѣсить другіе и опять сжечь,—вотъ что ускользнуло изъ моей памяти. Совершенно также и ты. Ты знаешь, помнишь, что у тебя были предки, которые, по всѣмъ вѣроятностямъ были въ вышеписанныхъ отношеніяхъ къ Хвалынскимъ и Протозановымъ. Но ты утратилъ способность цѣнить невещественную сторону этихъ вещественныхъ отношеній. Плеть, ногайка, «задавили-съ», ты все это помнишь физически, если позволишь мнѣ такъ выразиться. Звуки эти производятъ извѣстное впечатлѣніе на твое ухо, но въ состояніи твоего сознанія они не производятъ тѣхъ измѣненій, которыя вызываются ими въ сознаніи людей не забывшихъ. И потому мы оба опять таки произвели нечистоты тамъ, гдѣ это воспрещается, хотя, по обстоятельствамъ времени, запретительныя надписи на лицо и нѣтъ. Я произвелъ эту операцію въ Лермонтовскомъ гротѣ, ты—надъ безвѣстными могилами своихъ дѣдовъ. Впрочемъ, это матерія во многихъ отношеніяхъ слишкомъ деликатная, и потому умолкаю.

Еще ты забылъ, что у тебя будутъ потомки...

Не забудь по крайней мѣрѣ своего друга

Ивана Непомнящаго.